

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 345

29 ноября 2022 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании с участием заявителя Д. дисциплинарное производство в отношении адвоката Ш. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по жалобе Д. от 18 августа 2022 года (вх. № ... от 23.08.2022),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 05 октября 2022 года адвокатом Ш. допущены:

- нарушение абз. 5 пп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся в том, что 07 апреля 2022 года адвокат Ш. заключила соглашение об оказании юридической помощи с Де., в соответствии с которым приняла поручение Де. на представление его интересов в судебном споре о признании недействительным брачного договора, заключенного им с Д., в период, когда Д. являлась доверителем адвоката Ш., и адвокат Ш. оказывала Д. юридическую помощь на основании заключенного с ней Соглашения № ... об оказании юридической помощи от 18 октября 2021 года;

- нарушение пп. 5 п. 4 ст. 6, п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с положениями п.п. 1-5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, пп. 4, 10 п. 1 ст. 9 и п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«Адвокат не вправе: ...разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием последнему юридической помощи, без согласия доверителя»; «Адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю», «Адвокат не вправе использовать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием юридической помощи...в интересах третьих лиц», «Адвокат не вправе оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей»*), выразившееся в том, что, заключив с Де. 07 апреля 2022 года Соглашение № ... об оказании юридической помощи, адвокат Ш.

оказывала предусмотренную этим соглашением юридическую помощь в условиях конфликта интересов с Д. – доверителем адвоката Ш. по Соглашению № ... об оказании юридической помощи от 18 октября 2021 года, используя составляющие профессиональную (адвокатскую) тайну сведения об имуществе, правах и обязательствах доверителя Д., которые стали известны адвокату Ш. в связи с оказанием юридической помощи доверителю Д., а именно: подготовила для Де. и подала от его имени в Б. районный суд г. Москвы исковое заявление к Д. о признании недействительным брачного договора, а также ходатайствовала перед судом о применении мер по обеспечению иска в виде запрета Управлению Росреестра по городу Москве производить регистрацию права собственности на недвижимое имущество (квартира и два машиноместа), являвшееся предметом договоров участия в долевом строительстве от 27 мая 2020 года, заключенных Д., и в связи с которыми адвокат Ш. в начале 2022 года оказывала Д. юридическую помощь и представляла ее интересы в И. районном суде г. Москвы по иску к застройщику.

Адвокат Ш., уведомленная надлежащим образом о дате и времени рассмотрения дисциплинарного дела, в заседание Совета не явилась, письменно ходатайствовала о рассмотрении дисциплинарного производства в её отсутствие, выразила несогласие с Заключением Квалификационной комиссии, ничем его не мотивировав (вх. № ... от 25.11.2022).

Принимая во внимание, что адвокат Ш. своевременно получила Заключение Квалификационной комиссии, а также с учётом требований пункта 5 статьи 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившейся адвоката Ш.

Заявитель Д. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии согласилась. Высказала мнение о несовместимости поведения адвоката Ш. со статусом адвоката, поскольку она недобросовестно воспользовалась оказанным ей доверием и стала представлять интересы Де., действуя против её (Д.) интересов. При этом вплоть до сегодняшнего дня адвокат Ш. продолжает представлять интересы Де. в гражданских делах о расторжении брака и признании брачного договора недействительным против интересов Д. Из-за действий адвоката Ш., которая подала апелляционную жалобу на решение суда по гражданскому делу о расторжении брака, оно до сих пор не вступило в законную силу, и брак не расторгнут. В результате такого поведения адвоката Ш. она вынуждена была обратиться к другому адвокату, и ей потребовалось понести дополнительные затраты для представления её интересов в судебных процессах. Таким образом, обратившись за юридической помощью к адвокату Ш., она вместо помощи получила дополнительные расходы и проблемы.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства и Заключение Квалификационной комиссии, выслушав заявителя Д., Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Квалификационной комиссией установлено, что 18 октября 2021 года Д. заключила с адвокатом Ш. Соглашение № ... об оказании юридической помощи, в соответствии с п. 2.1 которого адвокат Ш. приняла на себя обязательства по оказанию доверителю Д. следующих видов юридической помощи: консультация доверителя; ознакомление и правовой анализ представленных доверителем документов; составление и направление в адрес ООО «...» досудебной претензии о взыскании неустойки по договорам участия в долевом строительстве на три объекта недвижимости (квартира и два машиноместа); составление и подача в И. районный суд г. Москвы искового заявления к ответчику ООО «...» о взыскании неустойки по договорам участия в долевом строительстве на три объекта недвижимости; представление интересов доверителя в И. районном суде г. Москвы; при необходимости, составление и подача в суд необходимых документов по делу.

Предусмотренная Соглашением от 18 октября 2021 года юридическая помощь была оказана адвокатом Ш. в полном объеме, включая представление интересов Д. в И. районном суде г. Москвы по гражданскому делу № ... по иску Д. к ООО «...» о взыскании неустойки, компенсации морального вреда и штрафа в связи с просрочкой в передаче объектов по договорам участия в долевом строительстве.

Комиссией также установлено, что по просьбе Д. адвокат Ш. выполнила дополнительную правовую работу, а именно, уже после принятия И. районным судом г. Москвы решения по указанному гражданскому делу получила в суде копию решения и исполнительный лист.

Из письменных объяснений адвоката Ш. также следует, что она подала в суд ходатайство о выдаче исполнительного листа по указанному делу и получила его 15 апреля 2022 года.

Как установлено Квалификационной комиссией и не отрицается участниками дисциплинарного производства, 07 апреля 2022 года адвокат Ш. заключила соглашение об оказании юридической помощи с супругом Д. – Де., в соответствии с п. 2.1 которого приняла на себя обязательства оказать Де. следующие виды юридической помощи: консультации доверителя; составление и подача в Б. районный суд г. Москвы искового заявления о признании недействительными условий брачного договора от 25 мая 2020 года, заключенного между Де. и Д., и представление интересов Де. в Б. районном суде г. Москвы.

Соответствующее исковое заявление к Д. от имени и в интересах Де. было подготовлено, подписано и подано адвокатом Ш. в Б. районный суд г. Москвы на основании доверенности от 18 апреля 2022 года и ордера от 25 апреля 2022 года. Исковое заявление поступило в суд 26 апреля 2022 года.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что 25 мая 2020 года, между Д. и Де. был заключен брачный договор, в соответствии с

условиями которого любое недвижимое имущество, приобретённое во время брака, является личной собственностью супруга, на чьё имя оно приобретено, оформлено или зарегистрировано, как во время брака, так и в случае расторжения брака; после заключения брачного договора приобретение любого недвижимого имущества одним из супругов осуществляется по его единоличному решению без согласия другого супруга.

27 мая 2020 года Д. заключила с застройщиком ООО «...» три договора участия в долевом строительстве, предметом которых являлось строительство жилого комплекса с нежилыми помещениями, расположенного по адресу: город Москва, ..., с привлечением денежных средств участников долевого строительства, в том числе Д., и передача в собственность Д. квартиры (условный номер 60) и двух машиномест (номера 300 и 301), расположенных в этом жилом комплексе.

В отношении адвоката Ш. заявителем Д. выдвинуты дисциплинарные обвинения в том, что она: приняла поручение от бывшего супруга Д. – Де. в период, когда оказание юридической помощи самой Д. ещё не было завершено, не поставила её об этом в известность, и при этом интересы Де. противоречили интересам Д.; разгласила и использовала без согласия Д. при оказании юридической помощи Де. сведения, ставшие ей известными в ходе оказания юридической помощи Д.; оказывала Де. юридическую помощь в условиях конфликта интересов, чем нарушила нормы Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Давая оценку выдвинутых дисциплинарных обвинений Совет прежде всего подчёркивает, что отношения, складывающиеся между адвокатом и лицом, которому он оказывает квалифицированную правовую помощь, носят доверительный (фидуциарный) характер, и совершение адвокатом юридически значимых действий в интересах своего доверителя основано на особых, лично-доверительных отношениях. Доверительность отношений между адвокатом и лицом, которому он оказывает квалифицированную юридическую помощь, обусловлена тем, что в процессе оказания юридической помощи адвокат получает доступ к сведениям и документам о личной жизни доверителя.

Доверия к адвокату не может быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны. Профессиональная тайна адвоката (адвокатская тайна) обеспечивает иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией Российской Федерации (п. 1 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Согласно п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю.

В соответствии с п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката правила сохранения профессиональной тайны распространяются на: факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей; все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу;

сведения, полученные адвокатом от доверителей; информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи; содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных; все адвокатское производство по делу; условия соглашения об оказании юридической помощи, включая денежные расчеты между адвокатом и доверителем; любые другие сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи.

В силу пп. 5 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не вправе разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием последнему юридической помощи, без согласия доверителя.

Согласно п. 3 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц.

Срок хранения тайны не ограничен во времени (п. 2 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Согласно пп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица.

Как установлено Квалификационной комиссией, адвокат Ш. оказывала заявителю Д. юридическую помощь на основании Соглашения от 18 октября 2021 года, в соответствии с которым представляла интересы Д. в судебном споре с застройщиком ООО «...» о взыскании неустойки, компенсации морального вреда и штрафа в связи с просрочкой в передаче объектов долевого строительства, допущенной застройщиком по договорам участия в долевом строительстве, заключенным Д.

Срок действия соглашения был изначально определён «до вынесения судом первой инстанции решения по делу» (п. 5.1 Соглашения). Такое решение было вынесено И. районным судом города Москвы в судебном заседании 14 февраля 2022 года.

Из материалов дисциплинарного производства также следует, что Акт об оказании юридической помощи по соглашению был подписан адвокатом Ш. и Д. 05 мая 2022 года. В этот же день ими был подписан и Акт приёма-передачи документов, согласно которому решение И. районного суда г. Москвы от 14 февраля 2022 года и исполнительный лист к нему были переданы адвокатом Ш. доверителю вместе с другими документами, полученными ею для оказания юридической помощи по соглашению.

Совет отклоняет как несостоятельные доводы адвоката Ш. о том, что обязательства по Соглашению от 18 октября 2021 года, заключенному ею с Д., были полностью исполнены 14 февраля 2022 года, и данная дата является

согласованной датой окончания исполнения взаимных обязательств, в связи с чем Д. утратила статус доверителя. Вопреки этому доводу адвоката Ш., отсутствие письменного соглашения об оказании юридической помощи либо наступление обстоятельства, указанного в соглашении как момент окончания его действия, само по себе не означает отсутствия у лица, которому адвокат фактически оказывает юридическую помощь, в том числе на основании устного поручения (соглашения), статуса доверителя по смыслу ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что юридическая помощь оказывалась адвокатом Ш. доверителю Д. и после 14 февраля 2022, при этом она была непосредственно связана с предметом заключенного ими Соглашения от 18 октября 2021 года, в соответствии с п. 2.1 которого адвокат Ш. приняла на себя обязательство составлять и подавать в суд необходимые документы по делу. Более того, из письменных объяснений адвоката Ш. следует, что она подготовила и подала в суд ходатайство о выдаче исполнительного листа по делу на основании устного поручения («по просьбе») Д. Данное действие адвоката Ш., как и последующее получение ею исполнительного листа и решения суда по делу, соответствуют перечисленным в указанном выше соглашении видам юридической помощи, обязательства об оказании которых приняла на себя адвокат Ш.

При таких обстоятельствах Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что, несмотря на предусмотренное п. 5.1 Соглашения от 18 октября 2021 года условие о прекращении его действия с момента вынесения судом решения по делу, адвокат Ш. продолжала оказание юридической помощи Д. по соглашению на основании устного поручения последней вплоть до середины апреля 2022 года и после вынесения судом решения 14 февраля 2022 года, а правоотношения по Соглашению от 18 октября 2021 года между адвокатом Ш. и Д. с формально-правовой точки зрения завершились лишь 05 мая 2022 года, когда ими был подписан Акт об оказании юридической помощи, предусмотренный п. 4.3 Соглашения.

Таким образом, из фактически установленных Квалификационной комиссией обстоятельств следует, что 07 апреля 2022 года, когда адвокат Ш. заключила соглашение об оказании юридической помощи с супругом Д. – Де. и приняла от него соответствующее поручение, заявитель Д. по смыслу ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики являлась доверителем адвоката Ш., которая фактически продолжала оказание Д. юридической помощи по Соглашению от 18 октября 2021 года.

Вместе с тем, как правильно указала в своём Заключении Квалификационная комиссия, учитывая предмет и характер принятого адвокатом Ш. поручения по Соглашению от 07 апреля 2022 года с Де. – представление его интересов в судебном споре с Д. по вопросу о признании недействительным брачного договора, во взаимосвязи с условиями брачного договора от 25 мая 2020 года, в соответствии с которым недвижимое имущество, приобретенное Д. по договорам участия в долевом строительстве с ООО «...» от 27 мая 2020 года, должно было быть оформлено в её личную

собственность, адвокат Ш., формулируя и согласовывая с Де. содержание принимаемого ею поручения по Соглашению от 07 апреля 2022 года, не могла не знать и не понимать, что интересы Де. прямо противоположны интересам её доверителя Д.

При таких, бесспорно установленных в ходе дисциплинарного производства, обстоятельствах Квалификационная комиссия пришла к обоснованному выводу о том, что выдвинутое Д. дисциплинарное обвинение является обоснованным. Указанные действия адвоката Ш. Совет признаёт нарушением положений абз. 5 пп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Совет отклоняет довод адвоката Ш. о том, что она устно в телефонном разговоре, который состоялся непосредственно перед 07 апреля 2022 года, то есть до заключения соглашения с Де., известила доверителя Д. о том, что «будет представлять интересы её супруга по бракоразводному процессу и разделу совместно нажитого имущества супругов, в связи с чем не сможет оказывать Д. правовые консультации».

В материалах дисциплинарного производства отсутствуют какие-либо доказательства того, что адвокат Ш. запрашивала, а Д. дала ей согласие на представление интересов Де. в судебном споре с Д.

Следовательно, данный довод адвоката Ш. носит явно надуманный характер и приведён ею в целях создания ложной видимости того, что она не скрывала от доверителя Д. информацию о подаче в суд искового заявления от имени и в интересах Де., а также заявления о принятии мер по обеспечению этого иска. Таковую защитительную позицию адвоката Ш. Совет оценивает как попытку оправдания заключения ею соглашения и оказания правовой помощи супругу Д. против её интересов, что свидетельствует об осознании адвокатом Ш. недопустимости такого профессионального поведения.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Ш. в данной части дисциплинарных обвинений опровергнутой, а её вину в совершении дисциплинарного нарушения - доказанной.

Адвокат Ш. в письменных пояснениях указывает, что первоначально оказывала Д. юридическую помощь по вопросам участия в долевом строительстве в присутствии обоих супругов. Кроме того, в присутствии Де. и с участием адвоката Ш. 25 мая 2020 года Д. были подписаны договоры участия в долевом строительстве с застройщиком ООО «...». 17 мая 2021 года, то есть ещё до заключения соглашения об оказании юридической помощи с Д., копии данных договоров были направлены адвокату Ш. Де., и никаких возражений в этой связи от Д. не поступало. Копии документов, приложенных ею к исковому заявлению Де. – заключенные Д. договоры участия в долевом строительстве от 27 мая 2020 года и её паспорт, были получены непосредственно от Де., что подтверждается Актом от 07 апреля 2022 года.

Совет отклоняет эти доводы как не влияющие на оценку профессионального поведения Ш., поскольку она, оказывая юридическую помощь доверителю Д. в соответствии с Соглашением от 18 октября 2021

года, имела доступ к широкому кругу сведений о доверителе, составляющих профессиональную (адвокатскую) тайну, в том числе о её имуществе и обязательствах: об условиях заключенных Д. договорах участия в долевом строительстве с застройщиком ООО «...», о порядке и сроках передачи в собственность Д. квартиры и машиномест по этим договорам, об условиях брачного договора, о совершённых Д. платежах по договорам участия в долевом строительстве с застройщиком ООО «...», о фактическом состоянии дел с исполнением застройщиком обязательств по передаче недвижимого имущества по этим договорам и другие.

Используя эти сведения, составляющие профессиональную (адвокатскую) тайну, адвокат Ш. была обязана руководствоваться положениями ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката вне зависимости от того, получила ли она какие-либо из этих сведений от самой Д. или от её супруга Де. (до возникновения спора между ними). При этом она во всех случаях безусловно не могла впоследствии использовать полученные таким образом сведения против интересов своего доверителя Д., в том числе и после прекращения действия заключенного с ней Соглашения от 18 октября 2021 года.

Однако материалами дисциплинарного производства подтверждается, что, приняв поручение Де. по Соглашению от 07 апреля 2022 года, адвокат Ш. подготовила, подписала от его имени и подала в Б. районный суд г. Москвы исковое заявление к ответчику Д., в котором в обоснование заявленных требований указала, что Д. «понудила Де. заключить брачный договор на заведомо невыгодных для последнего условиях», и её действия «по инициированию заключения брачного договора предшествовали непосредственно заключению договоров долевого участия в строительстве, что свидетельствует о намерении Д. единолично распорядиться совместно нажитым имуществом и о злоупотреблении правом».

Учитывая достоверно установленные Квалификационной комиссией обстоятельства, подтверждающие, что адвокат Ш. не только приняла поручение Де. в нарушение требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», создав тем самым ситуацию конфликта интересов своих доверителей (Д. по Соглашению от 18 октября 2021 года и Де. по Соглашению от 07 апреля 2022 года), но и фактически оказывала Де. юридическую помощь в условиях конфликта интересов: разработала правовую позицию по иску к Д. с использованием сведений, составляющих профессиональную (адвокатскую) тайну, в исковом заявлении обвинила Д. в злоупотреблении правом в отношении «нового» доверителя Де. при заключении между ними брачного договора, а также совершила юридически значимые действия, направленные на создание Д. препятствий в получении в собственность, регистрации прав и распоряжении объектами недвижимого имущества, являющимися предметом спора, в котором адвокат Ш. ранее оказывала юридическую помощь Д. и представляла её интересы: включила в исковое заявление Де. к Д. требование о применении

мер обеспечения иска в виде запрета на совершение регистрационных действий в отношении этих объектов.

В этой связи Совет подчёркивает, что обязанность адвоката по предотвращению конфликта интересов доверителей состоит также и в том, чтобы воздерживаться от оказания юридической помощи новому доверителю, если это нарушает конфиденциальность сведений, доверенных ему прежним доверителем, или создает риск такого нарушения, при этом сведения, доверенные адвокату одним доверителем, не могут служить для другого доверителя источником для получения преимуществ, и адвокат не может представлять лицо, интересы которого противоположны интересам его доверителя или бывшего доверителя, то есть адвокат всегда должен принимать все возможные меры к тому, чтобы избегать конфликта интересов доверителей.

В п. 7 Рекомендаций по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности, утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, особо отмечено, что даже если действие режима адвокатской тайны прекращено самим доверителем, это не должно открывать возможности для причинения бывшему доверителю какого-либо вреда, связанного с использованием информации, ранее составлявшей предмет адвокатской тайны.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ш. опровергнутой и в данной части, а её вину в совершении дисциплинарного проступка - доказанной.

Действия адвоката Ш., совершенные при оказании юридической помощи Де., Совет оценивает как умышленное нарушение пп. 5 п. 4 ст. 6, п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с положениями п.п. 1-5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, пп. 4, 10 п. 1 ст. 9 и п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Ш. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их умышленный и грубый характер, демонстрирующий очевидное пренебрежение правами и законными интересами доверителя Д., законодательно установленным запретом адвокату разглашать сведения, сообщённые ему доверителем в связи с оказанием юридической помощи и использовать такие сведения в интересах третьих лиц, а также оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей. Совет отмечает, что совершённые адвокатом Ш. нарушения также сопряжены с игнорированием фундаментальных требований законодательства об адвокатской деятельности и Кодекса профессиональной этики адвоката и повлекли ущерб авторитету адвокатуры. Профессиональное поведение адвоката Ш., являющееся предметом настоящего дисциплинарного производства, явно не соответствует ни критериям добросовестности, ни иным

требованиям Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Кодекса профессиональной этики адвоката и по существу является предательством интересов доверителя.

Демонстративное игнорирование адвокатом Ш. основополагающих начал осуществления профессиональной деятельности свидетельствует об отсутствии у неё необходимых для осуществления адвокатской деятельности профессиональных и этических качеств и нежелании их приобретать, что дополнительно подтверждается описанной выше позицией адвоката Ш. в ходе дисциплинарного разбирательства.

Учитывая совокупность указанных обстоятельств, Совет приходит к выводу о несовместимости профессионального поведения адвоката Ш. с принадлежностью к адвокатскому сообществу и, следовательно, о необходимости применения к ней меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет признает, что более мягкая мера дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката не только не отвечала бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, но и давала бы основание полагать, что адвокатское сообщество считает подобное профессиональное поведение адвоката допустимым.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращён по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката, неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Ш. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учётом тяжести нарушения и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о её личности и профессиональной деятельности, считает необходимым установить этот срок в два года.

На основании изложенного, руководствуясь п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, п. 4-5, пп. 3 п. 6, п. 7 ст. 18, пп. 1 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение:

- абз. 5 пп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся в том, что 07 апреля 2022 года она заключила соглашение об оказании юридической помощи с Де., в соответствии с которым приняла поручение Де. на представление его интересов в судебном споре о признании недействительным брачного договора, заключенного им с Д., в период, когда Д. являлась доверителем адвоката Ш., и адвокат Ш. оказывала Д. юридическую помощь на основании заключенного с ней Соглашения № ... об оказании юридической помощи от 18 октября 2021 года;

- пп. 5 п. 4 ст. 6, п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с положениями п.п. 1-5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, пп. 4, 10 п. 1 ст. 9 и п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат не вправе...разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием последнему юридической помощи, без согласия доверителя»; «Адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю», «Адвокат не вправе использовать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием юридической помощи...в интересах третьих лиц», «Адвокат не вправе оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей»), выразившееся в том, что, заключив с Де. 07 апреля 2022 года Соглашение № ... об оказании юридической помощи, адвокат Ш. оказывала предусмотренную этим соглашением юридическую помощь в условиях конфликта интересов с Д. – доверителем адвоката Ш. по Соглашению № ... об оказании юридической помощи от 18 октября 2021 года, используя составляющие профессиональную (адвокатскую) тайну сведения об имуществе, правах и обязательствах доверителя Д., которые стали известны адвокату Ш. в связи с оказанием юридической помощи доверителю Д., а именно: подготовила для Де. и подала от его имени в Б. районный суд города Москвы исковое заявление к Д. о признании недействительным брачного договора, а также ходатайствовала перед судом о применении мер по обеспечению иска в виде запрета Управлению Росреестра по городу Москве производить регистрацию права собственности на недвижимое имущество (квартира и два машиноместа), являвшееся предметом договоров участия в долевом строительстве от 27 мая 2020 года, заключенных Д., в связи с которыми адвокат Ш. в начале 2022 года оказывала Д. юридическую помощь и представляла ее интересы в И. районном суде города Москвы по иску к застройщику.

Установить в отношении Ш. срок, по истечении которого она может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, продолжительностью в 2 (два) года.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков